

АНТРОПОЛОГИЯ

В. А. Бурнаков

КОНЬ КАК ХТОНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО В ВЕРОВАНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX–XX ВВ.)¹

Начиная с момента доместикации, лошадь играла важную роль в жизни людей. Благодаря этому событию человек стал чрезвычайно мобильным. Преодолевая длинные расстояния за относительно короткий срок, ему удалось освоить огромные территории. Конь был активно задействован человеком в хозяйственной, военной, религиозно-обрядовой и иной деятельности. Его значимость была столь велика, что он стал обязательным элементом похоронной обрядности. Лошадей хоронили вместе с умершими хозяевами, чтобы они стали для них проводниками на «тот свет» и продолжали служить им и после смерти. Архаичное сознание часто приписывало обитателям подземного мира нечеловеческой природы использование коня в качестве ездового животного. Подобные мировоззренческие представления в полной мере были присущи и хакасам. Целью данной работы является характеристика коня/лошади как религиозно-мифологического персонажа хакасов, имеющего хтоническую природу. Хронологические рамки работы ограничиваются рамками конца XIX–XX вв. Выбор таких временных границ обусловлен состоянием источниковой базы по теме исследования. В качестве источниковой базы послужили этнографические и фольклорные материалы, как опубликованные, так и вводимые в научный оборот. Среди фольклорных источников широко используются героические сказания (*алыптыгнымахтар*), отрывки из которых впервые представлены в авторском переводе на русском языке. Ведущим в исследовании является принцип историзма, когда любое явление культуры рассматривается в развитии и с учетом конкретной ситуации. Методика исследования основана на историко-этнографических методах: пережитков (реликта), фольклорного и семантического анализа. По итогам исследования сделан вывод о том, что в культуре хакасов образ коня наделялся обширной и многообразной символикой. Он обладал статусом сакрального животного и имел прямое отношение к традиционным представлениям о смерти и потустороннем мире. Конь является проводником в потусторонний мир, а также атрибутом низших мифологических существ. Будучи хтоническим существом он наделяется рядом специфических признаков: различными телесными аномалиями, полиморфизмом, размером, сверхъестественными возможностями, связью с водной стихией и пр.

Ключевые слова: хакасы, традиционное мировоззрение, миф, ритуал, конь, хтонизм, нижний мир, демон

В традиционной культуре хакасов хтоническая природа какого-либо явления или объекта часто наделена зооморфными чертами. Некоторые представители животного мира представлялись олицетворением хтонических сил и были наделены их свойствами. Животные, обитающие под землей, т. е. в норах, расщелинах, пещерах, оврагах, водных источниках и прочих местах, всегда воспринимались в качестве представителей нижнего мира. Их причисляют к категории хтонических – «*чир ниме*» – ‘с земной сущностью/природой’. В мифологическом сознании хакасов существа, населяющие эти пространства, наделялись сверхъестественными возможностями, но при этом оценивались неоднозначно. С одной стороны, их причисляли к «нечистым» созданиям с деструктивной направленностью. С другой – они рассматриваются как творения земли, тесно связанные с сакральными силами ее недр и наделенные плодородием. Некоторые из них были включены в обрядовую практику хакасов.

В представлениях хакасов образ коня/лошади, наряду с некоторыми другими животными, обладает хтонической природой, что находит отражение в их верованиях и устном народном творчестве. Новизна данного исследования состоит в том, что обозначенная тема прежде не становилась объектом изучения в этнографии и фольклористике хакасов. Целью данной работы будет являться характеристика коня/лошади как животного, тесно связанного с хтоническим миром в традиционном мировоззрении хакасов.

¹ Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Конь в быту и мировоззрении хакасов

Коня как одного из самых любимых домашних животных, на первый взгляд, крайне сложно отнести к группе хтонических созданий. Из зоологии известно, что это млекопитающее в силу своих особенностей обитает и размножается исключительно лишь в условиях наземного пространства и только на суше. Основу его рациона составляет преимущественно растительная пища. И потому вполне естественно то, что биология этого животного не предполагает его прямых связей и взаимоотношений с подземной или водной системами биосферы. Таким образом, для мифологического мышления зоологическая специфика лошади не могла быть определяющим фактором отнесения ее к категории хтонических существ, в отличие от некоторых диких животных (змеи, ящерицы, мыши и пр.). Вместе с тем в верованиях и фольклоре многих народов, и хакасов в том числе, конь зачастую наделяется хтоническими признаками и является воплощением природных сил земли, воды, темного начала и т. д. Так, согласно исследованиям М. М. Маковского, в язычестве лошадь нередко считалась хтоническим существом, «олицетворявшим мрак Преисподней, недра Земли, бездну моря; лошадь – это дитя Ночи, символизирующее одновременно смерть и жизнь, огонь и воду, потусторонние магические силы, злое начало, Луну» (1999: 176).

Возникает закономерный вопрос – почему хакасы относили коня к категории хтонических существ?!

Объяснение этого парадоксального обстоятельства, очевидно, кроется в той роли, которая отводилась лошади в повседневной жизни хакасов, и получило отражение в их мировоззрении и обрядности. Она является одной из неотъемлемых составляющих их традиционного хозяйственного быта. Утилитарная полифункциональность коня убедительно представлена в следующей народной загадке: «*Прай нимее кирек (ам)*» – ‘Для всех дел нужен (конь)’ (Мудрое, 1976: 109). Одной из главных функций рассматриваемого животного, помимо пищевой, как известно, является транспортная. Заметим, что в отдельных регионах нашей планеты лошадь и в наши дни остается одним из самых востребованных и распространенных средств передвижения. Благодаря именно коню человек на протяжении тысячелетий получил возможность за относительно короткое время преодолевать огромные расстояния. Люди были глубоко убеждены в том, что если всадник заблудится в незнакомой местности, то его скакун всегда безошибочно выведет их на верный путь. По традиционным воззрениям, рысак был способен пересекать не только обозримые земные дали, но и невидимые границы посюстороннего и потустороннего миров. Подобные суждения были запечатлены в традиционных верованиях и ритуалах рассматриваемого народа. Особенного внимания заслуживают те из них, которые имеют отношение к идее смерти и похоронному циклу. В. Я. Пропп совершенно точно подметил факт того, что «конь не только в религиях, но и в сказках представляется заупокойным животным» (2009: 145). Исходя из указанных качеств, приписываемых лошади, одним из главных ее ритуальных назначений у хакасов была функция «замогильного» транспортного средства и проводника на тот свет. Полагали, что это животное обладает сокровенными знаниями природы и потусторонних сил. Обозначенная роль убедительно представлена в одной из народных сказок, в которой герой получает ценные указания перед отправлением на коне в загробный мир. Приведем эти сведения: «Когда за нижний повод будешь держаться – по черной земле он пойдет. Когда за верхний повод потянешь – он в небо поднимется. За повод Темно-бурого коня не тяни – куда он повезет, туда и поедешь. Много тебе он покажет, это увидев, поймешь, куда едешь. О невиданном у Темно-бурого коня будешь спрашивать» (Ёксес-оол, 2014: 419).

Итак, в традиционных воззрениях хакасов лошадь воплощает собой связь с загробным миром. В некоторых случаях она является вестником инобытия и даже выступает символом смерти. В похоронной обрядности народа неизменно выполняет функцию не просто жертвенного

животного, но еще и психопомпа – посредника и помощника-сопроводителя души умершего человека в загробное царство и пр. (Бурнаков, 2022: 89–99).

В архаическом миропонимании народа подземный/нижний мир представляет собой зеркальное отображение мира живых людей. Вследствие чего были убеждены, что жители этого пространства ведут образ жизни, соответствующий человеческому (Майнагашев, 1915: 284; Бурнаков, 2014: 30–44). И коню там, безусловно, отводится не менее важная роль, что и в обычном земном мире. Хакасы полагают, что обитатели инобытия ввиду многофункциональности животного, конечно же, не могут без него обойтись. Верят, что для них он является таким же естественным хозяйственным животным, как и для живых людей. В подземном мире лошадь, так же как и на земле, выполняет транспортную, тягловую и иные утилитарные функции. Исходя из этого, в понимании народа она является точно таким же хтоническим существом, как и все жители этого мира. Более того, конь выступает в качестве одного из ключевых атрибутов божеств подземного царства. Поэтому совершенно не случайно то, что в хакасской традиции было принято посвящать главе нижнего мира Эрлик Хану (*Ирлик Хану, Ильхану*) как и другим божествам и духам именно коня. Н. Ф. Катанов об этой ритуальной практике народа писал следующее: «Татары [хакасы. – В. Б.], живущие по берегам Абакана, и теперь, и в прежнее время выбирали из табуна самую лучшую лошадь и посвящали Эрлик Хану, называя ее “ызых”» (Катанов, 1907: 216). В материалах этого ученого встречается описание домашней усадьбы некоторых иерархов нижнего мира, в которой непременно представлен такой важнейший ее элемент, как коновязь в виде ракитова куста. Приведем его: «Богатыри подземного царства суть девять эрлик-ханов, обитающих в доме о сорока углах <...>. Перед домом стоит ракитов куст, к которому привязывают коней» (там же: 219). Отмеченная деталь, безусловно, свидетельствует о глубокой вере хакасов в то, что обитатели потустороннего мира как и обычные люди активно используют лошадей в качестве транспортного средства. Наряду с этим в представлениях народа они имели ряд специфических черт, присущих им как хтоническим животным.

Масти коней нижнего мира

Масть, как колоративная особенность кожного и волосяного покрова тела животного, включая гриву и хвост, является одним из ярких внешних индивидуальных признаков коня, выделяющих его от остальных. Специфика религиозно-мифологической символики указанного животного была тесно связана с его цветом. Согласно поверьям хакасов, существа, населяющие подземный мир, предпочитают разводить лошадей строго определенных мастей. Полагали, что рыжая или красная масть (*позрах/чигірен/хызыл*) скакунов является одной из наиболее распространенных в мире мертвых. Так, в народных быличках о посещении живыми людьми того света довольно часто упоминается именно этот цвет указанного животного. Приведем соответствующие примеры: «Ко мне подошла моя рыжая кобылица, которая давно умерла. В это же время прибежала моя собака, тоже давным-давно пропавшая. Я вел эту кобылицу за повод. Они шли со мной. Тут же мне на встречу подъехал Чистанов Афонька, давно умерший. Он вел за повод рыжего коня» (АХКМ: 21); «Шаманы этот камень называют “Хамнар ұтчең ұттиг тас” – ‘Камень с отверстием, через который проходят шаманы’. В эту скалу есть узкий проход, а снаружи – железная дверь. Эта дверь сама открывается и закрывается. Там у двери огромная очередь людей, идущих на тот свет. Моя очередь приблизилась, но в это время подъехал человек на рыжем коне. Он ударил меня и взял за волосы, повел обратно» (там же: 21). Рыжая масть коня как одна из излюбленных жителями потустороннего царства часто упоминается и в других жанрах фольклора, например в легендах и сказаниях. Так, в произведении «Немой богатырь Хан Мирген» слуги владыки нижнего мира Эрлик Хана доставляют богатыря на ездовом животном обозначенного цвета: «Меж тем богатыря Хан

Миргена втянули под землю два желтых человечка; скрутили его руки, связали ремнями, посадили на рыжего коня и повезли к Ирлик Хану» (Немой, 2013: 74).

На хакасских шаманских бубнах значительное место занимают изображения коней. При этом их количество могло варьироваться от одного до девяти (Иванов, 1955: 200). Согласно традиции, было принято изображать на бубне красной краской именно тех коней, которые принадлежали Эрлик Хану и его ближайшему окружению. Глубокий знаток шаманской атрибутики С. В. Иванов в этой связи сообщал: «Кони рисовались обычно белой или красной краской и лишь в редких случаях черной <...> Белые лошади предназначались для светлого, доброго Ульгения или Кудая, красные – для злого Эрлика» (1955: 200). И. Т. Савенков представил более детализированное описание семи коней Эрлик Хана, изображенных на хакасских бубнах. Ученый сообщал о том, что «шеи у всех вытянуты вверх, гривы и хвосты обозначены развивающимися. Первый слева конь изображен как бы запнувшимся, передние ноги означены с угловыми знаками на концах» (АМКМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 52: 86).

Вместе с тем в сознании шаманистов изображение на бубне всадника на рыжем коне могло олицетворять собой еще и других существ нижнего мира. А именно таких, как демон, распознающий болезни, либо «стреляющий без промаха Хан-Салагай». Порой в нем видели духа, отправляющегося к одному из эрликов – главе рыжих или красных священных коней *ызых'ов* (Катанов, 1907: 580; Иванов, 1955: 204).

Очевидно то, что наличие красной/рыжей масти лошадей у обитателей подземного мира в представлениях хакасов имеет глубокие мировоззренческие основания. В традиционном сознании народа красный цвет, помимо всего прочего, устойчиво ассоциируется с такими понятиями, как кровь и жизненная сила человека и животных, жертвенный огонь и др. Все перечисленное имело непосредственное отношение к обрядовой практике, направленной на конструктивное взаимодействие с иным миром и живущими в нем сверхъестественными существами. Вероятно, это поспособствовало тому, что красная масть лошадей стала одной из распространенных и для обитателей нижнего мира.

Вместе с тем колоративная характеристика лошадей Эрлик Хана и других существ нижнего мира не ограничивается лишь рыжим/красным цветом. Пожалуй, наиболее встречающейся среди них была черная или вороная масть (*хара*). Обратим внимание на то, что в мировой мифологии смерть нередко представлялась в виде черной лошади (Орел, 2008: 170). На шаманских бубнах хакасов этим цветом изображали исключительно только коней-демонов и божеств нижнего мира и горных духов (АМКМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 51. Т. 2: 161; Иванов, 1955: 202). Так, например, в нижнем секторе бубна, соотносимом с подземным миром, часто наблюдалось изображение девяти черных людей на девяти вороных конях. Это были слуги Эрлик Хана (Бутанаев, 2006: 98). В этой же части сакрального предмета одним из распространенных был рисунок в виде семи черных наездников на вороных конях. Они олицетворяли собой шаманских духов, помогающих при лечении различных заболеваний (Катанов, 1907: 579–580). Помимо того, на некоторых ритуальных атрибутах присутствовал вестник смерти в образе всадника на черном скакуне. В этнографических материалах зафиксированы следующие данные по этой фигуре: «Человек на вороном коне разъезжает впереди семи черных человек и, зная все, сообщает шаману, кто умрет и кто останется в живых» (там же: 580). В представлениях хакасов некоторые болезнетворные сущности также предпочитают лошадей аналогичной масти. Считалось, что дух тифа ездит в упряжке из девяти черных коней (Бутанаев, 2003: 218).

Одними из наиболее почитаемых хакасами остаются *таг ээлері* – ‘духи – хозяева гор’. Согласно традиционным верованиям, они входят в категорию сверхъестественных существ, связанных как со средним, так и нижним мирами. Своим обликом и образом жизни они сходны с обычными людьми. Убеждены, что они ездят верхом на лошадях темных мастей. Их образы часто встречаются на шаманских бубнах. Так, со слов пожилого хакаса: «Самые сильные духи – это горные духи. На бубне шаман рисовал их в виде девяти черных всадников

(Кызласов Николай Емельянович, 1889 г.р., с. Кизлас Аскизского р-на, Хакасия)» (АМАЭС ТГУ № 680-8 а: 4). В представлениях народа горные духи нередко и сами могли воплощаться в коней (АМАЭС ТГУ № 677-4 а: 10).

В мировоззрении хакасов черный цвет устойчиво ассоциируется с землей, подземным пространством и его обитателями и в целом – с темным началом. В фольклоре этого народа все негативное, как правило, имеет соответствующее цветообозначение. Подобного рода колоративные характеристики распространяются и на богатырей нижнего мира. Часто это происходит в процессе имянаречения отрицательных героев и их коней, при богатырских состязаниях и пиршествах, а также при описании их местожительства. Обычно там, где живет такой персонаж и географические названия имеют определения со словом *хара* – ‘черный’ (Субракова, 2007: 24). Черная масть лошади часто сравнивается с различными природными объектами и явлениями, например, камнем, землей, птицами семейства врановых, ночной тьмой и пр. Так, в героических сказаниях встречаются типичные имена богатырей и их коней: «*Чити Ирлик Ханның оолгы, Хара аттыг Хара Моос*» – ‘Сын семи Эрликов Хара Моос на черно-вороном коне’; «*Тогыс хулас суны хусхуннаң хара аттыг Хара Көйе*» – ‘Хара Көйе на девятисаженном чернее ворона вороном коне’; «*Тас хара аттыг Хырчотай*» – ‘Хырчотай на чернее угля вороном коне’; «*Аба тыргахтыг хара аттыг Хара Моол*» – ‘Хара Моол на вороном коне с когтями, как у медведя’; «*Сай хараттыг Түн-Хара*» – ‘Тюн Хара [ездящий] на своенравном темном коне’ (там же: 25; Албынчі, 1951: 59; Хакасский, 1997: 458; Чистобаева, 2015: 115).

Одной из часто упоминаемых в устном народном творчестве хакасов мастей лошадей нижнего мира является гнедая (*тор*). По народным представлениям гнедую масть сотворил сам Эрлик Хан. В шаманских молитвах он под именем *Көрмес Хан* идентифицируется как покровитель священных коней – *ызыхов* гнедой масти. Полагали, что указанные животные нередко являлись еще и верховыми лошадьми шаманов. Поэтому их шкуры употребляли для изготовления шаманских бубнов (Бутанаев, 2006: 71). В культуре рассматриваемого народа одним из известных и почитаемых семейно-родовых духов-покровителей был *Аба төс* – ‘Медвежий фетиш’. Он воплощает собой духа медведя, который имеет тесную связь с подземным миром. Полагают, что он ездит на темно-гнедом коне (там же, 2003: 222).

Распространенной и широко употребляемой среди обитателей потустороннего пространства является лошадь соловой масти (*сарыг*). В фольклоре встречается такой многозначительный эпитет этого животного, как «*чил сараат*», – ‘стремительный, летящий как ветер соловый конь’ (Чистобаева, 2015: 120). Он убедительно характеризует беговые качества, силу и выносливость коня. По хакасским поверьям, по ночам верхом на таких конях разъезжают дочери Эрлик Хана. Они творят всевозможные злодеяния, в том числе и похищают души людей (Бутанаев, 2003: 104). Согласно мифам, духом-покровителем соловых коней является дева-богатырь *Хан Салыг*. В ее сакральные функции входит еще и покровительство охотникам. Изображение *Хан Салыг*, выполненное в желтом цвете, было представлено на шаманских бубнах в виде фигуры всадника, вооруженного луком и стрелой (там же, 2006: 97).

В традиционных воззрениях хакасов желтый цвет устойчиво ассоциируется с болезнями желтухи, малярии и некоторыми другими недугами. Согласно верованиям народа, обозначенные болезнетворные духи, как правило, передвигаются на соловых лошадях. Не исключено, что в мифологическом сознании эти вредоносные существа изначально могли иметь гиппоморфный образ. Реликты данных представлений обнаруживаются в молитвенном обращении к духу «летучего огня». В нем имеется упоминание о некоторых внешних особенностях этого демона. В частности, к нему обращались с такими словами: «Ты имеешь круп соловой кобылицы» (Бутанаев, 2003: 219).

В эпическом творчестве хакасов соловая масть чаще употребляется сказителями при описании отрицательных персонажей, имеющих связи с потусторонним миром, например:

«Чал сарааттыг Чил Сарыг Хыс» – ‘Чил Сарыг Хыс, едзящая на стремительном соловом коне’; «Алты хула сунныг хара сар аттыг Хараты Хан» – ‘Хараты Хан на шестисаженном темно-соловом коне’; «Хара сар аттыг Хайылбас Хара Молат» – ‘Хайылбас Хара Молат на темно-соловом коне’ и др. (Чистобаева, 2015: 117, 121).

Известной мастью лошадей инобытия является пегая (*ала*). Согласно хакасским мифам, жители одной из потусторонних земель занимаются разведением исключительно только пегих лошадей. Специфика хозяйственной деятельности местного населения получила отражение и в названии территории их обитания – «земля пегих коней». В мифологическом сознании народа все ее жители воспринимаются в качестве болезнетворных существ. Верят, что именно от них исходят такие болезни, как оспа и корь (Бутанаев, Бутанаева, 2008: 141). Были убеждены, что люди, умершие от этих заболеваний, присоединяются к «народу оспы», т. е. становятся вредоносными духами и насылают этот недуг на живых людей (Майнагашев, 1915: 286). Суждение о пестром цвете как отличительном признаке подземных существ обнаруживается и в эпическом творчестве:

«Ўзім Молаттың озаринда одырчадыр Тоғыс хулас сынның Чылтыс чохыр аттыг Чылбазын Молат тіп алып кізі, Ала чылан теерізі хуях кип кис салған»	‘Напротив Юзюм Молата сидит [Едзящий на] девятисаженном Пестром во звездочках коне Чылбазын Молатом именуемый богатырь, [В] доспех [из] кожи пестрой змеи [он] облачен’
--	---

(Айдолай, 1963: 70. Перевод наш. – В. Б.).

Приведенными мастями отнюдь не исчерпывается все колоративное разнообразие коней потусторонних существ, представленных в мировоззрении хакасов. В фольклоре этого народа присутствует великое множество и других мастей со всевозможными цветовыми оттенками. Не имеет смысла всех их перечислять. Вместе с тем необходимо заметить то, что они не получили столь широкого распространения в окрасе ездовых животных ключевых персонажей хакасской демонологии, а именно представителей хтонического мира. Данный факт позволяет ограничиться лишь рассмотренными мастями лошадей.

Демонические признаки хтонических коней

В традиционном мировоззрении хакасов одним из важнейших маркеров подземного мира выступает принцип зеркальности по отношению к земному пространству. Это находит свое проявление в перевернутости многих предметов и явлений инобытия, например, левое становится правым, верхнее – нижним, и наоборот. Подобная специфика мироустройства проявляется даже в некоторых деталях внешности лошадей хтонических персонажей, например: «*tödір tükтіg хара күрең аттыg Хара Моос*» – ‘Хара Моос на темно-буrom коне с обратным волосяным покровом’ (Чистобаева, 2015: 115). Шерсть, растущая в обратную/противоположную сторону, выступает одним из типичных признаков подземного животного. Помимо того, о хтонической сущности лошади свидетельствует еще и ее повышенная шерстистость. В хакасском фольклоре описывается богатырь нижнего мира, имеющий подобного коня: «*Харыс tükтіg ай хара аттыg Алып Хара Хан*» – ‘Богатырь Хара Хан на темнее ночи вороном коне с шерстью длиною в сажень’ (там же: 116). Наряду с этим лошади нижнего мира нередко обладают еще и медвежьей шкурой (Алтын Тайчы, 1973: 29–30). Наличие шкуры этого опасного хищника как составляющей образа хтонического скакуна не случайно. Как уже было отмечено, в религиозно-мифологическом сознании хакасов медведь имеет прямое отношение к подземному царству. Более того, порой он даже отождествляется с Эрлик Ханом. На непосредственную связь коня с недрами земли может указывать такая специфическая деталь его внешности, как

металлическая шерсть, например: «Тибет Ханның тими́р түктіг көк пора ады» – ‘Тибет хана [с] железной шерстью сине-серый конь’ (там же: 18. Перевод наш. – В. Б.).

В традиционных представлениях мистическая природа рассматриваемого существа нередко дополняется его яростным взором – олицетворением разрушающего подземного огня. Взгляд хтонического животного испепеляющ и смертоносен. Соответствующие воззрения получили отражение в эпике:

«Тоғыс хулас сыннығ Хара пора аттаң хости Төдір түктіг тас хара ат –	‘[От] девятисаженного Темно-серого коня вблизи [С] растущей в обратную сторону шерстью, черный как смоль – Третий конь стоит.
Ўзінці ады турчадыр. Көр турған харахтарының одына Хара чирнің хыртызы Сызыр ла көй турған осхас; Тынып турған тыннарына Талай суғның хыри Хысхахтанчатхан осхас»	[Под] огненным взором [его] глаз Черной земли дерн Соломе [подобно] загорается; [От] выдыхаемого [им] воздуха Воды моря [у] берегов Шторму [подобно] бурлят’

(Ай Мирген, 1959: 37. Перевод наш. – В. Б.).

Некоторые потусторонние существа выделяются аномалией глаз – одноглазием либо наоборот – многоглазием. Подобная анатомическая особенность присуща и лошадям нижнего мира, например, в эпосе представлен отрицательный персонаж, имеющий такого скакуна, – «Хара көк аттыг ўс харахтыг Ўскер Молат» – ‘Ускер Молат на трехглазом темно-синем коне’ (Чистобаева, 2015: 118). Остановимся подробнее на феномене многоглазия. В мифологических воззрениях усиленный в количественном отношении зрительный аппарат является показателем сверхъестественных возможностей его обладателей, главным образом ясновидения. Полагали, что дополнительный глаз позволяет его владельцу прекрасно видеть не только все то, что входит в поле его зрения, но и дает возможность обозревать мир невидимый. Посредством трех глаз он хорошо видит события прошлого, настоящего и будущего. Наряду с этим соответствующий зрительный аппарат способствовал увеличению его магической силы. Верили, что прямой и пристальный взгляд такой персоны оказывал огромное мистическое влияние на окружающий мир. Подземные сущности, как правило, использовали свои сверхъестественные возможности для деструктивных целей, например, таких, как сглаз, похищение души и пр.

Семантически тождественным многоглазости является и многоухость хтонических созданий. Дополнительный слуховой орган является показателем их дара яснослышания. Были убеждены, что эта способность позволяет им воспринимать слова, произнесенные другими на огромном расстоянии, «слышать» чужие мысли и понимать незнакомую речь и пр. Феномен трехухого хтонического коня часто встречается в героических сказаниях хакасов при описании богатырей нижнего мира:

«Тоғыс хулас сыннығ Ўс улағлығ ах сараттығ Ўзім Молат-Ўзүт Хан оолғы»	[Ездящий на] девятисаженном Треухом светло-желтом коне, Юзюм Молат – сын Юзют хана
---	--

(Айдолай, 1963, с. 70. Перевод наш. – В. Б.);

«Алып кізі харахсынза, Ат палғачаң алтын сарчында	‘Богатырь, оглядевшись [заметил, что], У золотой коновязи, к которой привязывают коней,
--	---

Хара Молаттың мўнчең ады,
Ўс хулахтығ хара тораады
Пағда палғалған турчаттыр.

Хара Молата верховой конь,
Треухий темно-гнедой конь
Веревкой привязанный, стоит.

(Хан Орба, 1989: 26. Перевод наш. – В. Б.).

Одной из распространенных аномалий хтонических животных является полицефалия или многоголовость. В традиционной культуре голова каждого живого существа осмысляется в качестве одного из мест локализации его души и жизненных сил. Очевидно, что данные суждения основываются на факте того, что именно в этой жизненно важной части тела животного или человека располагаются: мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха, рот и др. В мифологическом мышлении обладание множеством голов означает кратное усиление не только его жизненной силы, но и магических способностей. Все это в немалой степени относится и к двуголовым коням эпических богатырей подземного мира хакасского фольклора. Такие скакуны осмысляются не просто в качестве ездовых животных, но зачастую они являются носителем жизненных сил и мистического потенциала своего хозяина. Верят, что двуголовые лошади – это существа, которые обладают сверхсознанием. Все тайные знания они регулярно получают со всех сторон света. Причем поступление информации осуществляется как из мира реального, так и потустороннего. Подтвердим свой вывод конкретным примером:

«Алып кізі Ай Мирген
Оңнап-сынап көр турадыр:
Анча аттың аразында
Хара чирнің алтынаң сыххан
Аран чула ат турчадыр –
Тоғыс хулас сынның,
Ікі пастығ ирем күрең ат<...>
Чирнің чабызы чирде,
Күннің кірізі чирде,
Хуба сынның алтында,
Хуба талай суғның хазында
Ікі пастығ ұлгер хара аттығ
Изебі чох Чеек Хан, – тідір, –
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Алыптың харағына көріне чоғыл
Чирде дее тура чоғыл,
Тигірде дее чохчи чоғыл.
Ўлгер хара ат кістебіссе,

Чеек Хан хатап төрібізедір,
Хатап пүдібізедір <...>
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Наада ирт парған пу чир пастыра,
Ханнаң ханға парыбысхан,
Пигдең пиге чөрібіскен.
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Читі ирліктің
Сыйға килген Чеек Ханға <...>
Алтын чечпенің төзінде турған
Аран чула ұлгер хара ат,

‘Богатырь Ай Мирген
Рассматривает-изучает [и] взором охватывает:
Среди стольких коней [заметил, он]
[Из, под] черной земли вышедший
Богатырский конь стоит –
В девять саженей ростом
Двуголовый темно-бурый богатырский конь <...>
В низине земли,
[В] месте [где] заходит солнце,
У подножия светлого хребта,
На берегу светлого моря
[Ездит на] двуголовом черном богатырском коне
Безмерно [могучий] Чеек Хан, – говорит, –
Двуголовый черный богатырский конь
Глазам богатыря [он] не виден
Ни на земле [он нигде] не стоит,
[И] на небе [о нем] не слышать.
[Когда] двуголовый черный богатырский конь
заржет,
Чеек Хан вновь возродится,
Снова сотворится <...>
Двуголовый черный богатырский конь
Недавно прошел через эту землю,
От царя к царю перешел,
От князя к князю отправился.
Двуголовый черный богатырский конь
От семи ирликов
К Чеек Хану в подарок пришедший <...>
У основания золотой коновязи стоящий
Двуголовый черный богатырский конь,

Ікі пазын төбін түзіріп, Халын чохчаға түс парған: Аның полған сол пазы Чирнің алтын тыңнап турча, Ат чахсының оң пазы Чирнің үстүн сизін турча»	Две головы вниз опустив, В крепкую дрему погрузился: [При этом] его левая голова Подземный мир, прослушивая, стоит, У лучшего из коней правая голова Поверхность земли обзревает’
---	--

(Ай Мирген, 1959: 37, 81, 82, 99. Перевод наш. – В. Б.).

Хтоническая природа двуглавого коня проявляется в том, что его душа воплощена в двухголовой ящерице-змее. При этом одна из голов является олицетворением души самого коня, а во второй воплощена душа ее хозяина. Гибель этого пресмыкающегося приводит к неминуемой смерти подземного богатыря и его ездового животного. Более того, их омертвевшие тела возвращаются к своему естеству – превращаются в хтоническую субстанцию – камень и песок:

«Алтын Теек алып кізі Оңнап-сынап көр килір. Ікі пастығ үлгер хара ат Пір нимені пілбеен, Пір нимені сиспеен; Саңмайы танға саптырып. Сала хамағын ача салча: Ікі пастығ килескі хурт – Арығ тыны, арығ чулазы Саңмай алтында чыл чөр. Чаацах сапхлабысхан, Кіріс кіңребіскен – Алтын Теек алып кізі Килескі хуртты атхан, Ікі пазын кизе атхан: Ікі пастығ үлгер хара ат Сай полып саалап халған, Хум полып тоолап халған. Алтын Теек алып кізі Хара чирге сиип түскен»	‘Алтын Теек богатырь Изучая-рассматривая, оглядывает. Двуголовый черный богатырский конь Ничего не узнал, Ничего не заметил; Виски [его] ветерок обдувает. [И] лоб его [от волос] слегка приоткрывает: Двуголовая ящерица-змея – [Его] чистая душа, чистый дух Под висками ползает. Лук ударил, Тетива громко зазвучала – Алтын Теек богатырь [В] ящерицу-червя выстрелил, Две головы напрочь отстрелил: Двуголовый черный богатырский конь В гальку, превратившись, посыпался, В песок, превратившись, посыпался. Алтын Теек богатырь На черную землю опустился’
---	--

(Там же: 131. Перевод наш. – В. Б.).

Одним из известных телесных отклонений некоторых подземных лошадей является их трехноготь. В хакасском эпическом творчестве встречается такой отрицательный персонаж, как демоница *Ўзүт Арыг*, ездящая верхом на трехногой черной кобыле. Этому животному вопреки, казалось бы, его внешней ущербности и неуклюжести все же свойственны неординарные физические способности: огромная сила и выносливость, фантастическая скорость передвижения и пр. Обозначенная лошадь в мгновение ока преодолевает дальние расстояния. Ни одному скакуну не под силу уйти от ее преследования, а уж тем более – обогнать. Приведем соответствующий пример:

«Хулатай көр тур: Ўс азахтығ хара пии турча;	‘Хулатай видит: Трехногая черная кобыла стоит;
---	---

Хулатай сағын-тур:
“Ўс азахтығ ниме хайдар ойлир”.
Аран чула хара хуладының
Алнына сығара ойлир ат чох полчаң,
Хара хуладының ахсын
Айландыра тартып алған;
Чар полған ахсын чара тартхан,

Чазы полған путха хамчы салған –
Хара хулат сах анаң ўкўс-салған.

Алты күннің чирге читіре ойлап
парыбысханда.
Ўс азахтығ хара пиинің ўс азағы
сарбайбинаң
Хара хулаттың алнында тоғыр
тура тўскен<...>
Хулатай хара хулаттың ахсын
Айландыра тартып алған –
– Пазох піргер хамчы саабысхан.
Хара хулат ўс күннің чирге

Читіре ойлап парыбысханда,
Ўс азахтығ хара пии, ўс азағы сарбайып,

Хара хулаттың алнында тоғыр тура
тўскен»

(Албынчі, 1951: 44. Перевод наш. – В. Б.).

Хулатай думает:
“Трехногое нечто куда поедет”.
[Чтобы] богатырского темно-саврасого коня
Опередив, скакать [такого] коня не было,
Темно-саврасого коня пасть
С разворотом подтянул;
[И без того] раскрытую пасть [его, поводьями
едва] не разрывая [на себя] натянул,
На бедро [размером] с поле плеть пустил –
Темно-саврасый конь, после чего помчался.

Землю, проезжаемую за шесть дней
[он] вмиг пробежал.
Трехногой черной кобылы три ноги
[ее едва] переставлявшиеся,
[Перед] темно-саврасым конем
напротив предстали<...>
Хулатай [своего] темно-саврасого коня пасть
Разворачивая, натянув, развернул [коня]
– Снова единожды плетью ударил [его].
Темно-саврасый конь [ту] землю
[которую] за три дня [проезжают],
[Когда] пределов [ее] быстро достиг скача,
[То] трехногая черная кобыла [едва] три ноги
расставив,
Перед темно-саврасым конем [путь]
преграждая, стояла’

Как известно, ноги человека/животного, находящегося в вертикальном положении, являются крайней нижней точкой его тела. В архаических представлениях ноги выступают в качестве естественного связующего элемента с нижним/подземным миром, поскольку постоянно соприкасаются с землей. В устном народном творчестве хакасов неотъемлемая связь хтонического животного с недрами земли и ее отдельными полезными ископаемыми порой акцентируется еще и такой деталью его экстерьера, как медные копыта:

«Алтын сарчында турған аттарны көрзе, ‘У золотой коновязи стоящих коней,
разглядывая [видит],
Аттаң артых аттар турча,
Чис туйғахтығ хоор ат турча,
Хара ат турыбохча,
Тискер тўктіг көе ат турча»
Лучшие из коней [там] стоят,
С медными копытами каурый конь стоит,
[Рядом с ним] черный конь стоит,
С шерстью в обратную сторону [цвета]
угля конь стоит’

(Ікі, 1969: 195. Перевод наш. – В. Б.).

Одним из характерных признаков хтонических существ является их полиморфизм. По традиционным представлениям, многие подземные создания обладают гибридизированным обликом, сочетая в себе различные териоморфные и зоантропоморфные черты. Подобные свойства нередко переносятся и на образ подземного коня. В одном из эпических

произведений хакасов упоминается богатырь нижнего мира, обладающий конем с ярко выраженными полиморфными чертами: «*Адай настыг, адай азыглыг хызыл саар аттыг Иткер Молат*» – ‘Иткер Молат на красно-соловом клыкастом коне с собачьей головой’ (Чистобаева, 2015: 118). Не исключено, что именно изначальная мифическая гибридизация хтонического конского образа легла в основу известной народной загадки о всаднике: «*Алты азахтыг, ікі настыг, ікі хурлыг, пір хузурухтыг*» (*чалаң аттыг кізі*) – ‘С шестью ногами, двумя головами, двумя поясами, одним хвостом (всадник)’ (Сиспектер, 1951: 279. Перевод наш. – В. Б.).

В устном народном творчестве хакасов немаловажной чертой богатырских коней подземного мира являются их исполинские размеры. Будучи порождением тьмы, они своими гигантскими телами затемяют небесные светила и едва ли не погружают мир во мрак.

«Ах өрге ибнің алнында,
Алтын теектің төзінде
Аран-чула ат чахсы
Арға-мөрейге чыыл партыр.
Тибет Ханның тимір түктіг
Көк пора ады турчадыр,
Ағаа хости төдір түктіг

Хуба хара ат тур.
Ўзінчизи – ах хамахтыг хусхун хара ат.
Төртінчизи – хызыл хыр ат,
Пизінчизи – хызыл хоор ат,
Арғаларынаң ай көледіп,
Көксілерінең күн көледіп,
Ат чахсылар айланызып турлар.
Чабыс килген ала пулут
Аран-чуланың ікі хулах аразынаң,
Чарылып, иртіп турадыр»

(Алтын, 1973:18–19. Перевод наш. – В. Б.).

‘Впереди белого дворца
У основания золотой коновязи
Лучшие из богатырских коней
На состязание собрались.
Тибет хана [с] железной шерстью
Сине-серый конь стоит,
Рядом с ним с шерстью в обратную сторону
[растущей],
Темно-белесый конь стоит.
Третий – белолобый конь вороной.
Четвертый – красно-серый конь,
Пятый – красно-каурый конь,
Спины [их] месяц затемяют,
Груды [их] солнце закрывают,
Лучшие из коней развернувшись, стоят.
Низко плывущее пестрое облако
[У] богатырского коня между двух ушей,
Разделяясь, проплывает’

Одной из особенностей коней нижнего мира является их непосредственная связь с водной стихией. Данное мифологическое суждение опять-таки определяется реальной ездовой функцией рассматриваемого животного. Известно, что большинство лошадей не испытывают страха перед водой. Поэтому в быту хакасы часто пересекают небольшие реки верхом на лошадях. Данная реалья, например, нашла свое отображение в песенном народном творчестве: «Когда мне надо было переправиться через Томь, то я сел на своего гнедого коня! Когда мне надо было переехать через полосатую Томь, то я сел на своего пегого коня! Было страшно, когда пришлось переплывать через глубокую реку!» (Катанов, 1907: 425). Умение плавать и уверенно преодолевать водные преграды во многом зависело от силы и выносливости животного и особенно его ног. При этом устойчивость к воде нижних конечностей коня была запечатлена в такой народной загадке, как: «*Суға кірзе, чібібес, сұғдаң сыхса, хахсабас (ат туйғағы)*» – ‘В воду залезет – не размокает, из воды вылезет – не высыхается (копыта лошади)’ (Доможаков, 1951: 82). Народные наблюдения за конем в воде не обошли вниманием и такой значимый элемент его тела, как хвост. Суждение о внешней трансформации мокрого хвоста представлено в следующей загадке: «Если залезет в воду, то один; если же из воды, то сто (конский хвост, попавший в воду и разошедшийся)’ (Катанов, 1907: 239).

В традиционном мировоззрении хакасов сверхъестественные обитатели водных объектов, как и обычные люди, активно используют лошадей в качестве ездовых животных. По хакасской традиции духу – хозяину воды *суз ээзи* регулярно посвящали коней-ызыхов сивой или рыжей мастей (Катанов, 1893: 91). В хакасском фольклоре встречаются сюжеты и образы, свидетельствующие о водном символизме коня. Вода как олицетворение изначального хаоса имеет непосредственное отношение к хтоническому миру. Поэтому совершенно не случайно то, что в мифологическом сознании народа образ подземного коня и воды порой сливаются. В одной из народных загадок весенний речной ледоход напрямую отождествляется с конем и его мощным и гулким передвижением: «*Күзүрт-хазырт түс пари, күрең чоргам ас пари; Нызырт-назырт түс пари нызырабинаң тозыл пари (часхыда нус тибреени)* – ‘Шумя-гремя идет мой бурый иноходец; шумя-гремя идет и с шумом исчезает (весенний ледоход, тающие льды)’ (Доможаков, 1951: 70). Намек на водную сущность коня обнаруживается в ассоциации отдельных рыболовных снастей с этим животным: «*Сугзар чохыр адым кір парир (сөзірбе)*» – ‘Мой чубарый конь полез в воду (невод)’ (там же: 80). Добавим и то, что в устном народном творчестве хакасов идентификация лошадей нередко осуществляется посредством их территориальной принадлежности, связанной с конкретной рекой, например, «серый конь, пришедший с р. Кызас», «голубой конь, пришедший с р. Уйбат» и т. д. (Катанов, 1907: 255). Семантические связи образа коня и водной стихии, а также глубинные идеи непостоянства и смерти выявляются и в *тахпах’ах* – лирических народных песнях:

«Ағыпчатхан Ах Ыўзек
Алтон на толгалып ахты ни;
Азыбох халған нимені.
Алтон ат хостап чит полбас.

‘Текущая река Белый Июс
Шестьдесят раз извивается;
То, что утеряно
На шестидесяти конях не догнать.

Инібөкчеткен Иргі Ыўзек
Читон на толгалып инді ни;
Өлібөк халған нимені,
Читон пар ат хостап, чит полбас»

С гор текущая река Старый Июс
Семьдесят раз изгибается;
То, что смертью взято,
На семидесяти конях не догнать’

(Хакасские, 1980: 27).

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов коню придавалось большое значение. Одной из ключевых его функций была транспортная. Во многом именно она предопределила его высокую востребованность как в утилитарной, так и обрядовой сферах жизни народа. Данная реалья способствовала тому, что в мировоззрении народа лошадь наделяется высоким семиотическим статусом. При этом семантическое поле образа коня чрезвычайно обширно. Одной из неотъемлемых граней его образа, безусловно, является его хтоническая сущность. В мифологическом мышлении она находит свое выражение в обладании необузданной природной мощью земли, тесной связи с подземным пространством и его обитателями и т. д.

Религиозно-мифологическому сознанию хакасов, как и многих других народов, свойственна такая черта, как стремление к антропоморфизации природы. При этом «очеловечиванию» подвергаются не только окружающее его природное пространство и его обитатели, но и мир невидимый – потусторонний. Отметим то, что антропоморфизация не ограничивается лишь определенным соответствием внешних данных потусторонних созданий. Человеческое подобие распространяется и на их образ жизни. Поэтому и лошадь выступает в качестве заурядного ездового животного не только умерших людей, но и многих демонических существ загробного пространства. Обитатели инобытия, будучи коневодами, также имеют свои предпочтения при выборе мастей своих скакунов. Их цветовая специфика также не случайна

и имеет глубокое символическое значение. Помимо того, среди характерных признаков хтонических коней следует выделить: всевозможные аномалии их тела, имеющие отношение к волосяному покрову, органам зрения, слуха и нижним конечностям, полицефалию и полиморфизм, гигантские размеры, обладание сверхъестественными способностями, направленными на деструктивную активность, тесную связь с водой и пр. Итак, представления хакасов о хтонической природе коне – это плод глубинной народно-поэтической мысли, в которой нашли отражение процессы постижения человеком природы во всем многообразии ее проявлений.

Литература:

- Ай Мирген.** Алыптыг нымах (Героическое сказание на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 135 с.
- Айдолай.** Героическое сказание (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 192 с.
- Албынчи** (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар (на хак. яз.). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.
- Алтын Тайчы.** Алыптыг нымах (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
- АМАЭС ТГУ** – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
- АМАЭС ТГУ** – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 680-8 а «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль 1974 г. Тетрадь № 8». 40 л.
- АМКМ** – Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 3. Д. 51. Т. 2. «Рукопись Савенкова Ивана Тимофеевича. «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа» (археолого-этнографический очерк)». 1911. 168 л.
- АМКМ** – Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 3. Д. 52 «Рукопись Савенкова Ивана Тимофеевича. «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа» (археолого-этнографический очерк)». 1911. Т. 3. 176 л.
- АХКМ** – Архив Хакасского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова «Тенешев Н. С. Ызут чир (царство мертвых) по верованиям сагайцев». Июнь 1957 г. 29 л.
- Бурнаков В. А.** Традиционные представления хакасов о Нижнем мире (конец XIX – середина XX вв.) // Религиоведение, 2014. Т. 2. С. 30–44.
- Бурнаков В. А.** Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 89–99.
- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Доможаков В. И.** Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. С. 60–84. Эксес-оол // Хакасские народные сказки. Новосибирск: Омет Принт, 2014. С. 403–423.
- Иванов С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. 114 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Майнагашев С. Д.** Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина, 1915. № 2. Вып. 2–3. С. 277–292.
- Маковский М. М.** Историко-этимологический словарь английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Издат. дом «Диалог», 1999. 416 с.
- Мудрое слово.** Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1976. 128 с.
- Немой богатырь Хан Мирген** // Сказания и легенды хакасов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. С. 64–80.
- Орел В. Е.** Культура, символы и животный мир. Харьков: гуманитарный центр, 2008. 584 с.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. 332 с.
- Сиспектер (Загадки)** // Алыптыг нымахтар (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1951. С. 275–282.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Хакасские народные тахпахи.** Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 132 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

Хан Орба. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева (на хак. яз.). Абакан: Хак. издат, 1989. 208 с.

Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: ООО «Кн. изд-во "Бригантина"», 2015. 170 с.

Кі ах ой хулун // Хан Мирген (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 117–208.

Бурнаков Венарий Алексеевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

V. A. Burnakov

The horse as a Chthonic Being in Khakass Beliefs and Folklore (late XIX–XX century)

Since its domestication, the horse has played an important role in human life. It has contributed to making people extremely mobile. By covering great distances relatively quickly, they managed to dominate large areas. People actively involved the horse in economic, military, religious, ceremonial, and other activities. Its importance was so great that it became an obligatory part of funeral rites. Horses were buried with their deceased owners, so they became signposts to the "other world" for them and continued to serve them even after death. Archaic consciousness often attributed the use of a horse as a mount to the inhabitants of the subterranean world of non-human nature. Similar ideological ideas were definitely present among the Khakass. This work aims to characterize the horse as a religious and mythological figure of the Khakass, having a chthonic nature. The work's chronological framework is limited to the late XIX–XX century framework. The source material on the research topic determines the choice of this time frame. Ethnographic and folkloric materials, published and put into scientific circulation, served as a source base. Among the folk sources, the heroic stories (Alyptyg Nymakhtar) are widely used, from which excerpts in the author's translation are presented in Russian for the first time. Guiding the study is the principle of historicism, in which each cultural phenomenon is considered in its development, considering a specific situation. The research methodology uses historical and ethnographic methods: Vestiges (relics), folklore, and semantic analysis. The results of the study suggest that the image of the horse in the Khakass culture was endowed with extensive and diverse symbolism. It was a sacred animal and directly related to traditional ideas about death and the other world. The horse is a signpost to the other world and also an attribute of lower mythological beings. As a chthonic being, it is endowed with a number of specific characteristics: various physical anomalies, polymorphism, size, supernatural abilities, and connection with the element of water.

Keywords: *Khakass, traditional worldview, myth, ritual, horse, chthonism, underworld, demon*

References:

Ai Mirgen. Geroicheskoe skazanie [Ai Mirgen. The heroic tale written from P. I. Sulekova]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1959. 135 p. (in Khakass).

Aidolai. Geroicheskoe skazanie [Aidolai. The heroic legend]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1963, 192 p. (in Khakass).

Ai Khuuchyn [Ai Khuuchyn]. Altyn Aryg. Alyptyg nymakh (Bogatyrskie skazaniya) [Altyn Aryg. Heroic Legend]. Abakan: Khak. Book. Publ., 1958. P. 318–420. (in Khakass).

Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie [Albynzhi. Khakass heroic legend]. Abakan, 1951, Khakass regional state Publ., pp. 13–98. (in Khakass).

Altyn Taijy. Alyptyg nymakh [Altyn Taijy. Khakass heroic legend]. Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1973, 148 p. (in Khakass).

AMAES TGU – Arkhiv Muzeya archeologii i etnografii Sibiri TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk state university (further – AMAES TGU), № 677-4 а «Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g. [Ethnographic expedition in Khakassia. Summer of 1972], 41 p. (in Russian).

AMAES TGU, № 680-8 а «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Iyul' 1974 g. tetrad' № 8» [Expedition in Khakassia. July 1974. Notebook nu. 8], 78 p. (in Russian).

- AMKM** – Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore]. F. 2. Op. 3. D. 51. T. 2. «Rukopis' Savenkova Ivana Timofeevicha. "Religioznye i magicheskie osnovy ustroistva shamanskikh bubnov inorodtsev Minusinskogo okruga" (arkheologo-etnograficheskii ocherk)» [Manuscript of Ivan Timofeevich Savenkov. "Religious and magical foundations for the device of shaman tambourines of foreigners of the Minusinsk district" (archaeological and ethnographic essay)]. 1911, 168 p. (in Russian).
- AMKM** – Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore]. F. 2. Op. 3. D. 51. T. 3. «Rukopis' Savenkova Ivana Timofeevicha. "Religioznye i magicheskie osnovy ustroistva shamanskikh bubnov inorodtsev Minusinskogo okruga" (arkheologo-etnograficheskii ocherk)» [Manuscript of Ivan Timofeevich Savenkov. "Religious and magical foundations for the device of shaman tambourines of foreigners of the Minusinsk district" (archaeological and ethnographic essay)]. 1911, 176 p. (in Russian).
- Arkhiv Khakasskogo natsional'nogo kraevedcheskogo muzeya imeni L. R. Kyzlasova** [Archives of the Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov] «Tenesh N. S. "Uzut chiri (tsarstvo mertvykh)" po verovaniyam sagaitsev» ["Uzut chiri (kingdom of the dead)" according to the beliefs of the Sagay]. 29 p. (in Khakass and Russian).
- Burnakov V. A.** Traditsionnye predstavleniya khakasov o Nizhnem mire (k. XIX – ser. XX vv.) [Traditional ideas of the Khakass about the Lower World (late XIX – mid-XX centuries). Religiovedenie [Religious Studies], 2014. Vol. 2. P. 30–44 (in Russian).
- Burnakov V. A.** Kon' v traditsionnoi pokhoronnoi obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX v.) [The horse in the traditional funeral rites of the Khakass (end of the 19th – middle of the 20th century)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University], 2022. Vol. 479. P. 89–99 (in Russian).
- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, 2003, KhGU Publ. 260 p. (in Russian).
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanism Khongoraya [Traditional shamanism Hongoray]. Abakan, KhGU Publ., 2006. 254 p. (in Russian).
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhGU Publ., 2008, 376 p. (in Russian).
- Domozhakov V. I.** Khakasskie zagadki [Khakass riddles]. Zapiski Khakasskogo nauchno issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Notes of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History]. Abakan, Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951. Vol. 2, P. 60–84 (in Khakass and Russian).
- Ekses-ool** [Ekses-ool]. Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. Novosibirsk, Omet Print Publ., 2014. P. 403–423 (in Khakass and Russian).
- Ivanov S. V.** K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kulta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [To the question of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 16. Moscow, Leningrad: Publ., of the USSR Academy of Sciences, 1955. P. 165–264 (in Russian).
- Katanov N.F. Pis'ma N. F.** Katanova iz Sibiri i Vostichnogo Turkestana [Letters from N. F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan]. S-Peterburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 114 p. (in Russian).
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V.V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907. Vol. 9. 640 p. (in Russian).
- Mainagashev S. D.** Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraya [The afterlife as imagined by the Turkish tribes of the Minusinsk Territory]. Zhivaya starina [Living Antiquity], 1916. Vol. 24, No. 3. P. 277–292 (in Russian).
- Makovskii M. M.** Istoriko-etimologicheskii slovar' angliiskogo yazyka. Slovo v zerkale chelovecheskoi kul'tury [Historical and etymological dictionary of the English language. The word in the mirror of human culture]. Moscow, «Dialog» Publ., 1999. 416 p. (in English and Russian).
- Mudroe slovo.** Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits, pogovorok i zagadok [Wise Word. Collection of Khakass folk proverbs, sayings and riddles]. Abakan, 1976, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 128 p. (in Russian and Khakas)
- Nemoi bogatyr' Khan Mirgen** [The mute hero Khan Mirgen]. Skazaniya i legendy khakasov [Tales and legends of the Khakas]. Abakan, House of Writers of Khakassia Publ., 2013. P. 64–80 (in Russian).
- Orel V. E.** Kul'tura, simvoly i zhitovnyi mir [Culture, symbols and wildlife]. Khar'kov, gumanitarnyi Tsentri Publ., 2008. 584 p. (in Russian).
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2009, 332 p. (in Russian).
- Sispekter (Zagadki)** [Riddles]. Alyptyg nymakhtar (Bogatyrskie skazaniia) [Heroic legends]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1951. P. 275–282 (in Khakass).

Subrakova O. V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan, 2007, Khakas. book Publ., 164 p. (in Russian).

Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk songs]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1980, 132 p. Khakasskii geroicheskii epos: Ai Khuuchin [The Khakass heroic epos: Ai Khuuchin]. Novosibirsk, Science Publ., 1997, 479 p. (in Khakass and Russian).

Khan Orba. Bogatyrskoe skazanie, zapisannoe ot S.I. Shulbaeva [Khan Orba. The heroic tale written from S. I. Shulbaev]. Abakan, 1989, Khakass Publ., 208 p. (in Khakass).

Chistobaeva N. S. Geroicheskii epos khakasov: Tematika i poetika [The heroic epic of the Khakas: Theme and poetics]. Abakan: Brigantina Publ., 2015, 170 p. (in Russian).

Iki akh oi khulun [Two white-billed colts]. Khan Mirgen [Khan Mirgen]. Abakan, 1969, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ. P. 117–208 (in Khakass).

Burnakov Venaryi Alekseevich.

Ph.D. in History, Senior Researcher Department of Ethnography.

Institute of Archaeology and Ethnography RAS.

Academician Lavrentiev Str. 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru